

шей разнородностью и низкой организованностью своего состава.

В силу названных особенностей, а также оторванности виртуального протеста от властных структур, эффективность (достижение конечной цели) виртуального протеста на данный момент невозможна без выхода в реальность.

Примечания

- ¹ Вилков А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 68.
- ² См.: Jenkins J. S., Klandermans B. The Politics of Protest. Comparative Perspectives on State and Social Movements. Univ. of Minnesota Press : UCL Press. 1995. P. 6 ; Поздняков С. В. Политический протест : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2002 ; Соловьев А. И. Политология : Политическая теория. Политические технологии. М. : Аспект-Пресс, 2001 ; Сафронов В. В. Потенциал

протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 9.

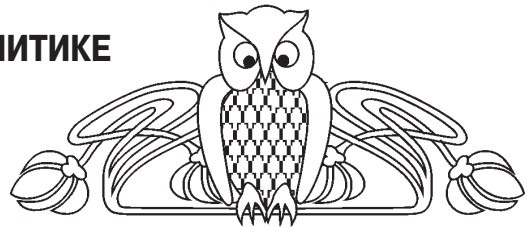
- ³ См.: Гуманитарные проблемы современности : человек и общество / С. В. Голикова, О. М. Горева, И. В. Гурьянов [и др.]. Кн. 22. Новосибирск : Изд-во ЦРНС, 2014.
- ⁴ См., например: Форум «Русские справки». URL: <http://fiks-ru.net/forum/7-32-1> (дата обращения: 03.09.2015).
- ⁵ См.: Твиттер : никто не пострадал от атаки Anonymous // Портал HardWare, 13/08/2012. URL: http://www.hwp.ru/news/Twitter_nikto_ne_postradal_ot_ataki_Anonymous_103261/ (дата обращения: 15.11.2015) ; Шум А. Сайт организации Home Office был атакован хакерами из Anonymous // Портал HardWare, 09/05/2012. URL: http://www.hwp.ru/news/Sayt_organizatsii_Home_Office_bil_atakovan_hakerami_iz_Anonymous_102609/ (дата обращения: 09.10.2015) ; 51-летний активист Anonymous сознался в осуществлении DDoS-атак на сайты социальных служб // Портал СекьюритиЛаб, 11/02/2015. URL: <http://www.securitylab.ru/news/471119.php> (дата обращения: 10.10.2015).

УДК 261.7

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

А. Г. Шестакова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ashestakova@mail.ru

Вопрос об актуальности религиозного фактора в жизни современного общества то и дело поднимается как в средствах массовой информации, так и в научной периодике. Однако зачастую в массовом сознании и в научном дискурсе религиозный фактор ассоциируется только лишь с исламским терроризмом либо эмиграцией из исламских стран. В то же время христианство отесняется на второй план. Такой контекст существенно упрощает тему, искажая тем самым картину мира. В настоящей статье анализируется суть этого феномена.

Ключевые слова: христианская демократия, социальная рыночная экономика, символическая политика, постмодерн, «золотой миллиард», современный колониализм.

Religious Factor in World Politics

A. G. Shestakova

The question about the relevance of religion in modern society now and then rises in the media and in scientific periodicals. However, often the religious factor is associated only with Islamic terrorism or the emigration from the Islamic countries in the public mind and in the scientific discourse. At the same time, Christianity is supplanted by the wayside. This greatly simplifies the context of the theme, thus distorting the picture of the world. This article analyzes the essence of this phenomenon.

Key words: Christian democracy, social market economy, symbolic policy, postmodern, «golden billion», modern colonialism.

DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-101-105

Согласно исследованию одного из наиболее авторитетных средств массовой информации США, канала FoxNews, обнародованному в декабре 2012 г., на данный момент «люди, не принадлежащие ни к одной религии, составляют третью по численности группу в мире после христиан (2,2 миллиарда человек) и мусульман (1,6 миллиарда человек)»¹. Авторы аналитического репортажа размышляют о том, насколько жив еще «дух христианства». Думается, что этот вопрос возник не только вследствие масштабной секуляризации, охватившей западный мир в последние двести лет. Причина в том, что изменился сам мир, в котором современные мировые религии специфическим образом реализуют свою функцию руководства общественно-политическим развитием.

Формирование глобальной экономики по принципу «метрополии – колонии», ставшее причиной появления так называемого «золотого миллиарда», приводит к нарастанию напряжения в отношениях между (условно) развитыми и развивающимися странами. Для примера: в 1989 г. на долю 20% населения Земли, жителей наиболее богатых стран, приходилось 82,7% валового мирового дохода, в то время как на долю 20% беднейшего населения планеты (развивающиеся страны, или так называемый «третий мир») – 1,4%. Число голодающих и страдающих от не-

доедания превысило к концу XX в. 1 млрд чел. В 1990-е гг. от 12 до 18 млн жителей планеты ежегодно умирали от голода². Поскольку маловероятно, что богатые страны внезапно и добровольно снизят уровень жизни своих граждан, для того чтобы «выровнять» положение со странами «третьего мира», постольку можно утверждать, что в будущем мир ожидает возрастание ожесточения между «метрополиями» и «колониями».

В то же время современные «колонии», как правило, являются странами с преобладанием (в той или иной степени) верующего населения, вследствие чего к суровой необходимости борьбы за выживание прибавляется замешанное на строгих религиозных нормах презрительное отношение к «продавшим душу богачам». Общество развитых стран воспринимается странами «третьего мира» как погрязшее в разврате, аморальное, безнравственное. Это толкает социумы современных «колоний» к консолидации, концентрации на нормах религии, подчас преувеличенной «традиционализации»: в этом видится спасение наций, находящее свое отражение как в сохранении исторических, культурных, этнических традиций, так и в отстаивании государственного суверенитета.

К этому добавляется демографический спад в развитых странах, старение наций «золотого миллиарда», что вызывает необходимость обращения к рабочей силе «молодых» наций «третьего мира». В свою очередь, это создает проблему иммиграции, в том числе нелегальной, в результате которой возникают этнокультурные анклавные внутри развитых стран, выступающие в роли «пятой колонны».

Одновременно общество «золотого миллиарда» идеологически не представляет собой монолита. Духовный кризис, вызванный разочарованием в действительности постмодерна, кардинальной сменой общественно-политических ориентиров, дискредитацией демократии, год от года усугубляется. Страны западной цивилизации скрепляло сначала христианство, затем потребность отпора общему врагу, т. е. коммунизму. На данный момент христианство «ушло в тень» по причине, о которой далее будет сказано, коммунизм схватку за мировую гегемонию (во всяком случае, пока) проиграл. Выдвинуть же сколько-нибудь убедительный альтернативный миф Запад еще не сумел.

Наука закономерно реагирует на эти меняющиеся условия существования мировых религий и соответствующим образом расставляет акценты и в данном предмете. С одной стороны, религии как системы мировоззрения в целом и религиозные объединения в частности признаются на сегодняшний день одним из важнейших субъектов мировой политики, что отражается в некоторых программных документах международных форумов и симпозиумов. В частности, текст «Родосской декларации» гласит: «...религии

способны играть особо важную роль в выделении духовных и гуманистических ценностей, напоминая людям об их ответственности за общее благо человечества и противопоставляя их обществу, пронизанному лишь стремлением к обогащению и потреблению»³. Как отмечают авторы коллективной монографии «Универсальные ценности в мировой и внешней политике», «религии и религиозные структуры рассматриваются в качестве посредника стратегических гражданских инициатив... Подобная установка предполагает признание ведущей роли религиозных организаций в определении реальных политических приоритетов...»⁴ В последние двадцать лет мы видим, как при обсуждении тех или иных социально-политических прецедентов религиозный фактор напрямую называется *causa causarum*. В этих случаях религия как бы выходит на первый план, либо ее умело «выводят из тени», потому что далеко не всегда декларируемый *casus belli* является действительным. «Разыграть религиозную карту» нередко стараются в целях достижения наибольшего политического эффекта либо в оправдание свои действиям.

Религиозный фактор становился определяющим или объявлялся таковым в большинстве военных конфликтов новейшего времени. В частности, 26-летняя гражданская война в Шри-Ланке, одна из самых затяжных и кровопролитных в истории послевоенного мира, была вызвана противостоянием буддистов-сингалов и индуистов-тамиллов⁵. Причем это как раз тот случай, когда собственно религиозные аргументы используются лишь в качестве лозунгов, в то время как суть самого конфликта состоит в борьбе за ресурсы. Незатухающим является индо-пакистанский конфликт, в основе которого – столкновение интересов мусульманской и индуистской элит. Особенную остроту конфликт приобретает с учетом того факта, что и Индия, и Пакистан являются ядерными державами. Впрочем, некоторые обстоятельства разрывания конфликта позволяют увидеть в нем своеобразное продолжение «холодной войны» – в соответствии со своими стратегическими интересами Россия регулярно снабжает военной техникой Индию, в то время как Пакистан столь же регулярно «дотируется» Соединенными Штатами Америки. Известен до сих пор нерешенный сербо-албанский конфликт, в основе которого, кроме геополитических причин, лежат также и религиозные. Показательно, что М. Олбрайт, по собственному признанию, будучи всю свою жизнь уверенной в том, что религия давно отошла на задний план в мировой политике, на закате своей политической карьеры вынуждена была кардинально поменять свои убеждения: «Мне казался совершенно невероятным тот факт, что в преддверии XXI века католики и протестанты Северной Ирландии никак не могут прийти к миру и согласию, а в Южной Азии буддисты и мусульмане не оставляют по-

пыток расквитаться друг с другом за старые грехи. Хотелось надеяться, что все это – отголоски прошлого, непросвещенного времени, а не признаки грядущих столкновений. Совершенные 11 сентября атаки террористов на Центр международной торговли заставили меня понять, что я, скорее всего, заблуждалась. Как и многим другим специалистам в области внешней политики, мне пришлось пересмотреть некоторые мои взгляды на перспективы мирового развития с учетом тех новых реалий, которые все громче заявляют о себе в последнее время»⁶.

С другой стороны, сегодня и наука, и публицистика значительно сузили ракурс рассмотрения религиозного фактора. Для массового сознания все многообразие факторных свойств мировых религий фактически оказалось сведено к исламскому терроризму и исламской эмиграции. Поэтому контекстом большинства материалов, посвященных этой теме, является исламофобия и попытки поиска выхода из тупика – столкновения цивилизаций Востока и Запада. При этом проблемы собственно христианства отходят на задний план как не представляющие актуальности. Однако такое сужение предмета исследования существенно упрощает проблему. В связи с этим представляется чрезвычайно интересным выявить причины, которые привели к формированию искаженной картины мира.

Религия может рассматриваться как ментальная основа, некий генератор стереотипов, повинующимся которым, живет общественное сознание. В этой своей ипостаси религия далеко не всегда, если не сказать – никогда, не воспринимается обществом как источник тех или иных паттернов. Как правило, общество воспринимает стереотипизированные формы поведения и анализа окружающей действительности как нечто само собой разумеющееся, объясняя это «правильностью», «разумностью», либо «традицией», «обычаем». Религиозные нормы являются частью морального кодекса современной цивилизации. Ими настолько пронизан ментальный мир человека, что он повинуется им, зачастую даже этого не осознавая. Как писал Э. Дюркгейм, «менее заметно, что она [религия] не ограничилась обогащением человеческого ума известным числом идей, а внесла вклад в формирование самого этого ума. Люди в значительной мере обязаны ей не только содержанием своих познаний, но также и формой, в которую эти познания отлиты»⁷. Именно вследствие этих своих свойств религия была и остается сегодня фактором тех процессов, в которых относительная стабильность морального кодекса цивилизации начинает конфликтовать с высокой подвижностью и нестабильностью прагматических интересов ее развития. Одно из ярких проявлений факторности религии в политической жизни современных развитых обществ состоит в том, что она позволяет динамично развивающимся социально-политическим системам

избегать перекоса в сторону сугубо прагматических интересов и мотиваций развития и тем стабилизирует динамику политического процесса.

В этой связи не выглядит случайностью то, что идея, согласно которой следование религиозным нормам в политике и экономике может вывести государство и общество на качественно новый уровень благосостояния, была выдвинута европейцами после Второй мировой войны. В послевоенном мире политические партии, чьи программы так или иначе опирались на христианский базис (формально или реально), приобрели очень большой вес. Наиболее влиятельными партиями в 1940–1990-е гг., т. е. на протяжении полувека, являлись блок ХДС/ХСС в Германии, Народно-республиканское движение во Франции (самораспустилось в 1967 г., на его базе возникло несколько христианских партий всего политического спектра), Христианско-демократическая партия Италии, Партия национального действия Мексики, Христианско-демократическая партия Чили. В ФРГ и Италии христианско-демократические партии в первое послевоенное двадцатилетие возглавляли правительства. Интересно подчеркнуть, что именно эти страны, для которых последствия Второй мировой войны были наиболее катастрофическими по сравнению с другими западноевропейскими государствами, показали миру беспрецедентный пример «экономического чуда».

Франция, Западная Германия, Италия, Латинская Америка – в этих странах и регионах христианско-демократическим блокам симпатизировали миллионы людей. Можно сказать, что на протяжении всего периода строительства в Европе welfare state его архитекторами были политики, позиционирующие себя как христианские деятели. Столь широкому признанию способствовали программные требования этих партий, отвечающие духу времени: в частности, звучали призывы к расширению демократических свобод, введению государственного регулирования экономики (что неизбежно влекло за собой повышение уровня жизни населения через различные социальные программы) и т. д. Людвиг Эрхарт, один из лидеров ХДС и творец «экономического чуда» Германии, ввел в экономическую и политическую науку новое понятие – «социальная рыночная экономика», как альтернативу принципу «laissez-faire». Теория социально ориентированных политико-экономических процессов в настоящее время признается многими аналитиками в качестве наиболее эффективного механизма поддержания высокого уровня жизни при одновременном сохранении общественного спокойствия и солидарности нации. В той или иной степени основные постулаты теории Л. Эрхарта до сих пор применяются в государствах-экономических гигантах, таких, например, как Швеция и Япония.

Известно действие «католического фактора» в Латинской Америке, где отдельные священни-

ки (в частности Камилло Торрес) становились «революционерами в сутанах», возглавляя акции протеста и борьбу за права человека. Латиноамериканская «теология освобождения» представляла собой своеобразный сплав евангелических, социалистических и коммунистических идей. Ее программный документ, «Манифест епископов третьего мира», был поддержан в 1968 г. 800 священнослужителями Латинской Америки. Идеи «теологии освобождения» нередко поддерживались христианско-демократическими правительствами латиноамериканского региона. Например, в 1967 г. правительство Эдуардо Фрея приняло закон об аграрной реформе, предписывающий экспроприацию помещичьей земли сверх лимита за выкуп. По итогам действия этого закона было экспроприровано 3,4 млн га помещичьих земель и организовано на них 910 кооперативов с участием 29 тыс. семей⁸. Благодаря экономическим реформам Э. Фрея Чили стала одной из высокоразвитых стран Латинской Америки.

В США религиозные группы приобрели широкую популярность в 1980-х гг. Особенно активной среди них была организация «Моральное большинство» во главе с проповедником Джеффри Фолуэллом⁹. Представители «Морального большинства» упрекали демократов в доведении защиты индивидуальных прав личности до абсурда и нарушении норм морали и нравственности. «Морально-этическая оппозиция» имела настолько большой политический вес, что сумела заблокировать несколько аморальных, по мнению ее членов, поправок к Конституции.

Сегодня же, когда европейские общества столкнулись с угрозами исламизации извне, за счет миграционных потоков из стран «третьего мира», и с угрозами роста исламофобии у собственных граждан, разрушающими единство гражданских обществ изнутри, христианское вероучение политиками и политическими аналитиками, а также значительной массой граждан не воспринимается в качестве той точки опоры, которая позволяет решать практические проблемы и реагировать на быстроменяющиеся внешние и внутренние угрозы, не выходя за рамки этического кодекса цивилизации. Это происходит оттого, что ограничительной линией в современной политике выступают не христианские ценности, а так называемые общечеловеческие ценности. Они переключаются между собой по отдельным позициям. Но, в сущности, это два вполне самостоятельных феномена, порожденных давней и недавней историей европейского мира, которые в течение минувшего столетия постепенно сливались в сложную и противоречивую мотивацию либерально-демократической политики.

В XX в. произошло парадоксальное событие: либерализм, с которым христианство боролось на протяжении всего XIX столетия, стал частью идейного базиса христианства XX в. Два идейных врага, образно говоря, «перевари-

ли друг друга» и создали некую квази-религию, которая в полной мере христианством уже не является, однако воспринимается массовым сознанием сегодня именно как настоящее христианство. На деле же либерализм, как и христианство в свое время, стал фабрикой образов и символов, ориентируясь на которые, современный человек не только определяет, что хорошо, а что плохо, но и строит свою повседневность. То есть либерализм стал частью мифологии современной цивилизации. Как писал Х. Ортега-и-Гассет, «сегодня самый махровый реакционер в глубине души сознает, что европейская идея, которую прошлый век окрестил либерализмом, в конечном счете и есть то непреложное и неизбежное, чем сегодня стал, вольно или невольно, западный человек»¹⁰. Либерализм, «запряганный» в христианстве, самим своим примером призывает страны «третьего мира» – «делай как мы». И сейчас «третий мир», по сути, не делает ничего особенного, всего лишь стараясь подражать примеру Европы – т. е. пытается идти проторенным европейцами путем религиозного обоснования ключевых экономических и политических ценностей к той же цели – обществу благосостояния. Те же, кому не терпится пройти этот путь быстрее – эмигрируют в Европу. Причем исламские ценности представлены в этом процессе как ценности «общечеловеческие» точно в той же мере (для «третьего мира»), в какой либерализм в качестве «общечеловеческих» склонен представлять ценности христианские (в западных странах). Исламский мир делает ту же работу над религиозными мотивациями политики, которую некогда проделали европейцы, только глобализация заставляет его торопиться и делать эту работу интенсивнее и агрессивнее.

В XX в. европейцы убедили себя и весь остальной мир, что цивилизованная политика становится принципиально другой: из отстаивания интересов она превращается в отстаивание ценностей. Согласно доминирующему сейчас мнению, цивилизованная политика – это политика ценностей и всего, что их символизирует. Отсюда – акцент в европейской политике на публичном манипулировании разного рода символами свободы, толерантности, равенства. И более того, по мнению политологов, традиционные геополитические факторы, такие как территория, военная мощь, экономическая сила и демографический потенциал, в условиях общества постмодерна уступают свое первенство нематериальным феноменам: исторической памяти, нравственному капиталу и т. п.: «...“сдвиг парадигмы” в большой степени связан с растущей значимостью понятия “мягкой силы” – фактора..., обеспечивающего способность определенной страны оказывать влияние на поведение других стран»¹¹. Это обстоятельство требует изменения форм политической деятельности, которое отображается в сходном поведении со-

временных политиков и шоуменов. Вынужденные действовать в рамках заданной рамками постиндустриального общества системы координат, политики зачастую используют в своем поведении знаки, свойственные ранее только людям искусства и кумирам масс-культуры: «Символы повелевают»¹². Многими аналитиками отмечается порой даже нарочитая символичность современной политики, которую трактуют как «власть наречения»: за возможность обязательного установления наименований, понятий и интерпретаций. <...> политико-символический акт есть не столько отвлечение и симуляция, псевдо-и эрзац-политика, сколько незаменимый способ политического управления»¹³. Однако наполнение этих символов, т. е. собственно мифологию, современная культура черпает по-прежнему из христианства.

Эту идею политики как манипулирования символами позаимствовали исламские радикалы, создав символическое государство ИГИЛ и осуществляя политическое участие символическими террористическими акциями, казнями, информационными атаками на медиа-пространство. Естественно, что в условиях конкуренции двух моделей символической политики внимание публицистов и исследователей концентрируется, в первую очередь, именно на том, что ярче всего символически характеризует политические успехи и поражения той и другой стороны: на успехах исламских террористов и успехах европейских спецслужб.

Однако при сходе политических механизмов действия ислама и христианства как основ мировоззрения двух культур между ними есть и существенное различие. На Востоке функцию генератора и хранителя ценностей выполняет умма – т. е. все сообщество верующих. Таким образом, религиозный фактор предстает в качестве результата политической активности общества. В Европе, напротив, функцию генератора и хранителя ценностей на себя взяло государство. В Европе религиозный фактор в массовом сознании – это состояние государственного законодательства о культурах, в первую очередь. В результате все, что имеет отношение к влиянию христианства на современный социум, исследователями воспринимается через призму государственной политики. В то же время все, что касается ислама, воспринимается через призму политического участия общества или его частей. Тем самым христианство и ислам, как две части единого религиозного фактора, в предметном

поле науки разведены по противоположным полюсам.

Именно поэтому исследователи не находят в исламе как общественно-политическом построении государственнического представления, коррелирующего с либеральными, а на самом деле – с христианскими государственническими представлениями. Они находят в исламе то, что противостоит их европейским представлениям о связи религии с государством – и по сути, и по форме. Соответственно, исследователи закономерно видят в исламе угрозу государственно-христианским устоям европейской политики и концентрируют свое внимание на исследовании антигосударственных проявлений исламизма, т. е. на исследовании исламского радикализма и террора.

Примечания

- 1 Losing our religion? URL: <http://video.foxnews.com/v/2054776564001/> (дата обращения: 19.12.2014).
- 2 См.: История новейшего времени стран Европы и Америки : 1945–2000 гг. : учебник для студентов вузов / под ред. Е. Ф. Язькова. М. : Простор, 2003. С. 375.
- 3 Мировой общественный форум «Диалог цивилизаций». Родосская декларация 2009 года. URL: <http://www.ageev.net/2009/10/mirovoj-obshhestvennyj-forum-dialog-civilizacij/> (дата обращения: 30.11.2015).
- 4 Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П. А. Цыганкова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 65.
- 5 См.: Чужие войны / под ред. Р. Н. Пухова. М. : Центр анализа стратегий и технологий, 2012. С. 11–28.
- 6 *Олбрайт М.* Религия и мировая политика : пер. с англ. М. : Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 24.
- 7 *Дюркгейм Э.* Элементарные формы религиозной жизни : Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения : антология : пер. с англ., нем., фр. / сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М. : Канон+, 1998. С. 184.
- 8 См.: История новейшего времени стран Европы и Америки... С. 222.
- 9 Там же. С. 285.
- 10 *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М. : Искусство, 1991. С. 338.
- 11 Символическая политика : Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс : сб. науч. тр. М. : ИНИОН РАН, 2012. С. 94.
- 12 Там же. С. 72.
- 13 Там же. С. 47.